

Даниэль М. А., Ландер Ю. А.

НЕРАВНОПРАВИЕ РОЛЕЙ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ: МАТЕРИАЛЫ ПО ЧАСТОТНОСТИ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ В АРЧИНСКОМ И УДИНСКОМ ЯЗЫКАХ

НИУ Высшая школа экономики, МГУ, ИВ РАН, Москва

1. Введение¹

Относительную конструкцию можно определить как синтаксическую конструкцию, используемую для описания участника ситуации, выраженной в главной/матричной предикации, через его участие в ситуации, обозначенной зависимой/подчиненной предикацией. Например, в предложениях *Закрой дверь, которая ведет на балкон* и *Закрой дверь, ведущую на балкон* пациенс ситуации, обозначенной главной предикацией, описывается как участник зависимой предикации - финитного предложения или причастного оборота. Релевантная в этом отношении синтаксическая роль в зависимой предикации именуется мишенью релятивизации; в приведенных предложениях это подлежащее при непереходном глаголе *вести*.

Один из принципиальных вопросов, затрагиваемых при обсуждении типологии относительных конструкций, связан с неравноправием разных ролей в относительной предикации в том, что касается их способности выступать в качестве мишени. Так, еще в 1970-х годах Э. Кинэн и Б. Комри предложили иерархию синтаксических ролей, названную ими «иерархией доступности именных групп», которая была призвана отразить разную подверженность разных ролей релятивизации:

- (1) SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP, где
> = «более подвержен релятивизации»,
SU = «подлежащее»,
DO = «прямое дополнение»,
IO = «непрямое дополнение»,
OBL = «косвенное дополнение» (субкатегоризованное предикатом)

В статье [Keenan, Comrie 1977/1982: 117] предполагается максимально мягкая формулировка ограничений, связанных с их иерархией: 1) в языке должны быть средства релятивизации подлежащих; 2) любая стратегия образования относительных групп должна быть применима к некоторому непрерывному отрезку иерархии доступности; 3) стратегии, применимые к некоторому рангу в иерархии доступности, могут в принципе быть неприменимыми к любому более низкому рангу в этой иерархии.

В других работах представлены и другие факты, свидетельствующие в пользу существования подобной иерархии. Так, например, релятивизация позиций выше в иерархии вроде (1) может с большей вероятностью выполнять функции, типичные для относительных конструкций (в первую очередь это рестриктивность – ограничение референции семантической вершины, противопоставляемая нерестриктивности – описанию уже известного референта), нежели релятивизация других позиций [Fox 1987: 859ff], и сопровождаться большими грамматическими ограничениями (например, в выражении разного рода

¹ Статья частично основана на докладе, сделанном на конференции “Typology, Theory: Caucasus” (Стамбул, декабрь 2012 года). Авторы признательны слушателям доклада за комментарии. Исследование в разное время поддерживалось РФФИ (проект № 11-06-00481а «Корпусное исследование морфосинтаксиса удинского языка»), РГНФ (проект № 11-04-00282 «Типология морфосинтаксических параметров»), программой Президиума РАН «Корпусная лингвистика», программой Научного фонда НИУ ВШЭ (проект № 13-05-0007 «Исследование дагестанских языков корпусными и социолингвистическими методами»), National Science Foundation (грант #0553546 “Five languages of Eurasia”).

грамматических категорий) [Cristofaro 2003: Ch. 7]. Кроме того, релятивизация одних позиций понимается адресатом легче, чем релятивизация других ролей – эта идея выдвигается, в частности, Кинэном и Комри (см. [Keenan, Comrie 1977/1982: 148ff] и цитируемую там литературу). Дж. Хокинз аргументирует положение, что релятивизация ролей, располагающихся выше в иерархии доступности, задействует меньший фрагмент синтаксической структуры, чем релятивизация позиций, находящихся ниже в этой иерархии; см. [Hawkins 1999; 2004]. Наконец, позиции в иерархии доступности именных групп отличаются по частотности релятивизации [Keenan 1975; Fox 1987; Gordon, Hendrick 2005]: например, объект сравнения релятивизируется крайне редко, посессор релятивизируется реже, чем, например, прямые дополнения и т.д.

Именно последний аспект и будет интересовать нас ниже. В разделах 3 и 4 мы представим данные по частотности релятивизации разных ролей в удинском и арчинском языках, относящихся к нахско-дагестанской семье, а затем, в разделе 5, сформулируем вопросы, возникающие в связи с интерпретацией этих данных. Но прежде необходимо сказать несколько слов о том, как вообще соотносятся иерархии вроде (1) с нахско-дагестанскими языками.

2. Нахско-дагестанские языки: проблемы для иерархии доступности?

Иерархии, отражающие неравноправие разных ролей в отношении релятивизации, неоднократно обсуждались для нахско-дагестанских языков. Так, например, Е. А. Лютикова в своих описаниях цахурских и багвалинских относительных конструкций [1999; 2001] выдвинула для дагестанских языков иерархию доступности, которая инкорпорирует более низкие позиции, описывая, в частности, релятивизацию из сложных полипредикативных конструкций. В Таблице 1 дается версия иерархии доступности, предложенная Е. А. Лютиковой в работе 2001 года, более ранняя версия отличается тем, что вместо комитатива приводится зависимое имя при масдаре.

Таблица 1. Иерархия доступности ИГ по Е. А. Лютиковой

Актанты	>	Сирконстанты	>	Зависимые послелогов	>
Посессор генитивной конструкции	>	Объект сравнения, замещения	>	Комитатив	>
Зависимые сентенциального актанта	>	Зависимые сентенциального сирконстанта	>	Член сочинительной конструкции	

Как видно, Е. А. Лютикова не конкретизирует актантные и сирконстантные позиции. Это, вероятно, обусловлено тем, что дагестанские языки, по-видимому, легко релятивизируют любые актанты и сирконстанты. Ср. следующие примеры из мегебского даргинского²:

(2) Мегебский: релятивизация агенса переходной конструкции
 k^wiha b-erh-un-i adamī
 баран N-зарезать.Pfv-Aor-Ptcp человек
 ‘человек, который зарезал барана’

² В приводимых примерах обсуждаемые относительные конструкции выделяются жирным шрифтом, если они даются в более широком контексте.

(3) Мегебский: релятивизация пациенса переходной конструкции
musa-ni b-erh-un-i k^wiha
человек-Erg N-зарезать.Pfv-Aor-Ptcp баран
'баран, которого зарезал Муса'

(2) Мегебский: релятивизация реципиента дитранзитивной конструкции
nu-ni di? gib-i hanq'akan
я-Erg мясо дать.Pfv.Aor-Ptcp пастух
'пастух, которому я отдал мясо'

(3) Мегебский: релятивизация имени из позиции сирконстанта (причины)
nu-ni b-erk-un-na itti b-urk-es
я-Erg N-съесть.Pfv-Aor-1/2 тот:Pl NP1-драться.Ipfv-Inf

b-ik-ib-i t'ult'
NP1-случиться.Pfv-Aor-Ptcp хлеб
'Я съел хлеб, из-за которого они подрались'.

Однако если брать в расчет не только собственно способность каких-либо ролей к релятивизации, но и другие факторы, упомянутые выше, можно ожидать, что даже в таких «гибких» в отношении релятивизации языков, как нахско-дагестанские, разные актанты в смысле релятивизируемости окажутся неравноправными. Будет ли это неравноправие соответствовать иерархии Кинэна и Комри? Ответ на этот вопрос не очевиден – особенно в том, что касается фрагмента $SU > DO$. Нахско-дагестанские языки преимущественно кодируют ядерные актанты в соответствии с эргативной схемой³. Как подчеркивалось в ряде работ, в эргативных системах в отношении релятивизации зачастую наблюдается примат абсолютного актанта (подлежащего непереходной предикации глагола – S и пациенса при переходном глаголе – P) по сравнению с эргативным актантом – A [Lehmann 1984: 211ff; Liao 2000]. По собственным данным одного из авторов этой работы в эргативном адыгейском языке в корпусе, включающем 301 относительную конструкцию, релятивизация S составила 22 процента случаев, релятивизация P – 25 процентов случаев, а релятивизация A – лишь 6 процентов случаев, что явно указывает на преференцию абсолютива как мишени⁴. Более того, Б. Фокс в статье [Fox 1987] предположила, что S и P вообще более склонны к релятивизации, чем A в языках мира, хотя это утверждение в дальнейшем ставилось под сомнение [Gordon, Hendrick 2005; Cristopharo 2003: 211]. Тем не менее естественно, что при исследовании любых нахско-дагестанских языков вопрос о соотношении абсолютного и эргативного актантов нуждается по крайней мере в проверке. И в этом отношении особо интересными могут быть данные удинского языка, в котором развилась контрастивная система, при которой S, A и P в некоторых случаях кодируются разным образом и которая, таким образом, может быть охарактеризована как контрастивная, или трехчастная [Kibrik 1997: 290; Кибрик 2003: 145; Ганенков 2008: 29] (см. примеры в разделе 4). Будет ли удинский язык в этих условиях соотносить актанты в отношении релятивизации иначе, чем другие нахско-дагестанские языки?

³ Здесь мы обходим вниманием вопрос о трактовке аффективных конструкций, который, возможно, должен решаться по-разному для разных языков.

⁴ Приведенные подсчеты не учитывали некоторые релятивноподобные конструкции, регулярно используемые в некоторых конструкциях с сентенциальными актантами и сирконстантами, – с их учетом результаты подсчетов могли бы быть несколько другими, хотя и не затронули бы общую тенденцию противопоставления пациенса и агенса переходной конструкции в отношении подверженности релятивизации.

Помимо эргативности есть и другая, не менее существенная проблема при попытках применить описание, основанное на иерархии доступности, к нахско-дагестанским языкам. Эта иерархия, как можно увидеть, основана на синтаксических ролях. Однако есть основания считать, что нахско-дагестанские относительные конструкции являются не синтаксически, а семантически ориентированными: их интерпретация иногда задействует не столько информацию, получаемую из тех или иных синтаксических конфигураций, сколько информацию, получаемую из контекста или лексической семантики участников конструкции [Comrie, Polinsky 1999; Даниэль, Ландер 2008]. Ср. следующие ахвахскую и агульскую конструкции. В обоих случаях определить, какая синтаксическая роль является здесь мишенью релятивизации, невозможно (ее нет); кроме того, ни то, ни другое предложение вне контекста (в первом случае культурного, во втором – дискурсивного) неинтерпретируемо:

(4) Ахвахский (Denis Creissels, в личном сообщении)

c:'a qēda c:'aba
дождь просить.Ptcp.Ipfv камень

‘камень такой, что если его когда-нибудь удастся поднять, просить о дожде никогда больше не придется’

(5) Агульский (Maisak 2008)

qu-ŷ .a-je-f-e čin fi.t:i-s...
Re-идти.Ipfv-Ptcp-N-Cop мы:Excl что-Dat

k'.i-nde

küče.ji-l-di

умереть.Pfv-Ptcp улица-Sup-Lat

‘И тогда мы пошли на эту... на улицу, где жил мертвый человек.’

Суммируя сказанное выше, можно сказать, что, с точки зрения обычных грамматических тестов, работоспособность иерархии доступности в том виде, в котором ее формулируют Кинэн и Комри (особенно $SU > DO$), для эргативных языков вызывает сомнения. С другой стороны, даже «обратная» иерархия, ставящая для эргативных систем абсолютивный актанта выше эргативного, совсем не очевидна, так как, например, в нахско-дагестанских языках, роли S, A и P равно доступны для релятивизации. Тем интереснее данные иной природы, которые могут указывать на неравноправие ролей в том, что касается их подверженности релятивизации: например, частотность релятивизации разных ролей, о которой пойдет речь в следующих двух разделах.

3. Арчинский язык

В этом разделе представлена относительная частотность релятивизации различных семантических ролей по данным арчинских текстов. Использованный электронный корпус арчинского языка состоит из текстов, собранных экспедициями под руководством А.Е. Кибрика в начале 70-х годов, пополненный в ходе экспедиций 2000-х годов; речь идет о корпусе примерно в 1200 предложений.

Как и для многих других нахско-дагестанских языков, основной стратегией релятивизации в арчинском языке является использование причастия при опущении мишени релятивизации в относительном предложении (так называемая *гар*-стратегия). Арчинское причастие образуется прибавлением к одной из основ глагола атрибутивизатора *-t:u* Причастие образуется от всех четырех деривационных основ: чаще всего встречается причастие, образованное от перфективной основы (есть ощущение, что это дефолтная причастная форма и что в ряде случаев это причастие вторгается в сферу имперфективных значений, но этот вопрос требует дальнейшего исследования), от имперфективной основы (в основном в значении *хабитуалиса*), от основы будущего времени (в терминах

А.Е. Кибрика и его соавторов – основы потенциалиса), а также от формы инфинитива (с значением деонтической необходимости).

В ряде нахско-дагестанских языков достаточно распространено использование резумптивного местоимения (местоимения, заполняющего позицию мишени, причем в нахско-дагестанских языках такое местоимение часто совпадает или морфологически связано с местоименными формами, используемыми в рефлексивных, логофорических и иных контекстах); в арчинских текстах резумптивное местоимение практически не встречается; следующий пример является редким – если не единственным - исключением:

(6) Арчинский: использование резумптивного местоимения

ʒu-n-t'u **χali, quč** **i-t'u-t:u** **bošor** i(w)dili.
сам.1.Obl-Gen-4.Ptcl семья хозяйство NPl.быть-Neg-Atr.1 человек <1>быть.Pfv-Evid
'Это был человек, у которого не было ни семьи, ни хозяйства.'

Говоря о преобладании гар-стратегии, следует оговориться, что в арчинских текстах встречаются относительные конструкции, аналогичные приведенным выше ахвахской и агульской конструкциям – т.е. конструкции, в которых мишень не восстанавливается. Ясно, что для таких конструкций говорить о наличии «гэпа» не приходится:

(7) Арчинский: позиция мишени не может быть восстановлена

χinaj lo e(r)χ:u-r-t:u-b **χabar**
Хинай.In дитя <Pfv>4.оставаться-IPfv-Atr-3 история
'История про ребенка, оставшегося в Хинае'

Следует отметить, что показатель причастия также используется для образования атрибутивных форм от падежей (в основном от форм родительного падежа, но также некоторых пространственных форм) или для образование приименных форм стативов, к которым в арчинском языке относится большинство «адъективных значений». Последняя функция атрибутивизатора в арчинском языке является явно преобладающей (около половины всех случаев его использования), в то время как на причастные (т.е. относительные) конструкции приходится лишь около 40 процентов случаев.

В Таблице 2 приводится статистика релятивизации различных семантических ролей (т.е. конструкций, в которых мишень релятивизации выражает эту семантическую роль) в корпусе арчинских текстов; некоторые типы мишеней охарактеризованы в синтаксических терминах. В первом столбце дан тип мишени, во втором количество зафиксированных вхождений этого типа в корпусе, во втором процент от общего числа посчитанных относительных оборотов. Далее та же статистика приводится по отдельности для относительных оборотов с вершинным именем и без него (ср. примеры 10, 11, 13 и 12, 14 ниже). Как видно, некоторые структурно **возможные** типы релятивизации в корпусе не встретились (Реципиент, Инструмент, Посессор в предикативной посессивной конструкции; релятивизация всех этих ролей при элицитации признается совершенно нормальной). В роль S включаются такие относительно независимые роли, как обладаемое в конструкциях предикативного обладания и стимул при экспериенциальных глаголах (причем экспериенциальными считаются только такие глаголы, которые оформляют роль Экспериенцера дательным падежом). В роль P включается роль Темы (пациенс при переходных глаголах изменение положения в пространстве). В неклассифицированные вошли небольшие группы (например, релятивизация без мишени) или неясные конструкции. Вот некоторые примеры на рассматриваемые в таблице конструкции.

(8) Арчинский: релятивизация S

b-olo **k'ent'-bo-t:u-b** **bi-li-t:i-š** **jat:i-ši**
3-мы.Gen(Excl) капнуть-LV.Pfv-Atr-3 кровь-Obl-Sup-El вверх-All

q^{'sw}e-t'u t'e^s χ:-o-q-er
два-4.Ptcl цветка 4.вставить-Pfv-Pot-Quot
'Из капель нашей крови (букв. из нашей капнувшей крови) встанут два цветка, мол <...>'

(9) Арчинский:
релятивизация P, причастие от инфинитива, значение внешней необходимости
χit:a χuzenn-u ju-w lo-wu b-erq^s-u-li to-t
тогда хозяин-и этот-1 парень-и NPl-идти-Pfv-Evid тот-4

hij-bo-s-du-t ux-a-k
пахать-LV-Inf-Atr-4 поле-In-Lat
'Потом хозяин и этот мальчик пошли на то, поле, которое надо было вспахать.'

(10) Арчинский: релятивизация A, безвершинная
os iq-n-a pačaḥ-li bo-li
один день-Obl-In падишах-Obl(Erg) сказать.Pfv-Evid

pəluw b-a-r-t:u-m-mu-r-ši pəluw b-a bo-li
плов 3-делать-Ipfv-Atr-1-Obl.1-Cont-All плов 3-делать(Imp) сказать.Pfv-Evid
'Однажды падишах сказал тому, кто делал плов: «Приготовь плов!»'

(11) Арчинский: релятивизация экспериенцера
ju-w l'arak q'u<w>-di-qi bo-li uš:-aw
этот-1 внизу <1>сесть-Pfv-Pot сказать.Pfv-Evid вы.Gen-1.Ptcl

l'an-nu uldu jat:ik t'ank'-ba bo-li
хотеть-Atr.1 чабан сверху пригнуть-LV(Imp) сказать.Pfv-Evid
'Пусть он сядет внизу, и любой чабан, который хочет, на него прыгнет'

(12) Арчинский:
релятивизация исходного посессора (вариант Источника), безвершинная
k'anarak bij-eĭ-u-li oInt k'iri oχ:a-t:u-m-mu-n
сперва начать-4.LV-Pfv-Evid голова нога NPl.унести.Pfv-Atr.1-1-Obl-Gen

šud aa-s
суд <3>делать-Inf
'Сперва начали разбирать дело того, у которого унесли головы и ноги (баранов).'

Таблица 2. Статистика релятивизации по корпусу арчинских текстов

Тип релятивизируемой позиции	Всего		С вершиной		Безвершинных	
	вхожд.	%	вхожд.	%	вхожд.	%
S	97	44%	62	39%	35	60%
в т.ч. обладаемое в конструкции предикативного обладания	4	2%	4	3%	-	-
в т.ч. стимул при эксп. глаголах	10	5%	4	3%	6	10%
P	35	16%	23	14%	12	20%
в том числе тема при гл. движения	5	2%	5	3%	-	-
A	11	5%	6	4%	5	8%
Экспериментер (при эксп. глаголах)	1	<1%	1	<1%	-	-
Реципиент	-	-	-	-	-	-
Инструмент	-	-	-	-	-	-
Посессор в конструкции предикативного обладания	9	4%	9	6%	-	-
Приименной посессор	-	-	-	-	-	-
Исходный пункт (Источник)	1	<1%	-	-	1	2%
Мишень	5	2%	5	3%	-	-
Время	26	12%	26	2%	-	-
в т.ч. со словом 'время' в вершине	24	11%	24	2%	-	-
Место	8	4%	8	5%	-	-
в т.ч. со словом 'место' в вершине	7	3%	7	4%	-	-
Из конструкции с послелогом	1?	<1%	1?	<1%	-	-
Неклассифицированные	25	11%	?	?	?	?
Всего относительных оборотов	219	100%	160	73%	59	27%

В связи с поставленным выше вопросом о релятивизационных предпочтениях в эргативном языке, нас будет в первую очередь интересовать статистика ролей S, A и P.

Как видно, значительно чаще встречается релятивизация номинативного аргумента непереходного глагола, то есть S (отметим, впрочем, что сюда условно отнесены номинативные аргументы некоторых дативных глаголов, в том числе 'находить' и 'случаться', для которых эта роль близка к роли стимула). Релятивизация S покрывает более сорока процентов встретившихся нам относительных оборотов. Но сама по себе такое наблюдение не позволяет сделать выводы о релятивизации в эргативном языке; этот факт может быть объяснен просто большей простотой синтаксического парсинга таких конструкций. Это подтверждается еще и тем фактом, что S-релятивизации составляют 60 процентов от всех безвершинных релятивизаций. Можно предположить, что такие конструкции особенно трудны для синтаксической обработки слушающим, поэтому среди безвершинных релятивизаций особенно высока доля «однозначных» для анализа S-конструкций.

Если же сравнить P-релятивизации с A-релятивизациями, оказывается, что первых в корпусе встретилось более чем в три раза больше, чем последних. Как кажется, это является достаточно однозначным указанием на то, что частотные предпочтения на релятивизацию ядерных аргументов в арчинском языке указывают на эргативную базу релятивизации.

4. Удинский язык

Удинский язык, как уже было сказано выше, отличается от прочих нахско-дагестанских языков в том, что касается кодирования актантов. S не получает выражено-

го маркирования⁵ (15). В переходной конструкции А (за исключением личных местоимений) оформляется эргативным падежом, а Р либо подобно S не маркируется (16), либо маркируется дательным падежом (17). Дательный падеж Р обязателен для определенных местоимений и более ожидаем или даже обязателен при неместоименных определенных именных группах [Schulze 1982: 194; Harris 2002: 244ff].

(13) Удинский: непереходная предикация
šo-t:-oχun oša beʕšʕ sam-uruχ baj-i=te=ne
Dist-NO-Abl потом мы:Gen письмо-Pl быть-Aor=Neg=3Sg
'После этого у нас письменности не было.'

(14) Удинский: переходная предикация с немаркированным Р
šähär-muχ biq:-i, ajiz-muχ=e car-p-es-t:-e=j
город-Pl хватать-Aor село-Pl=3Sg разрушать-LV-Inf-Caus-Perf=Pst
'Города захватывал, села приказывал разрушать.'

(15) Удинский: переходная предикация с маркированным Р
käkül-en bajinq:un-a top-uw-o ž'i'k:=e=ne=j
Какул-Erg темнота-Dat куст-Pl-Dat трясоти=3Sg=LV:Prs=Pst
'В темноте Какул тряс кусты.'

Противопоставление немаркированного и маркированного пациенса, несомненно, представляет собой случай дифференциального объектного маркирования, характерного в первую очередь для языков с аккузативной, а не эргативной системой (ср. обсуждение в [Malchukov 2006]). Удинский язык обнаруживает и другие признаки аккузативности: некоторые подлежащие свойства (например, контроль личного согласования, но также и менее тривиальные – например, ограничения на кореферентность в деепричастных конструкциях [Ландер 2011]) явно следуют аккузативной схеме, объединяющей непереходное подлежащее и агенс).

Относительные конструкции в удинском языке также образуются преимущественно посредством гар-стратегии, хотя зафиксированы отдельные случаи появления результирующих местоимений. В ниджском диалекте, рассматриваемом ниже, сказуемое относительного предложения маркируется в прошедшем времени суффиксом *-i*, одновременно функционирующим и в качестве показателя аориста, а в непрошедшем времени суффиксом *-ala* (совпадающим с показателем так называемого второго будущего времени, но здесь условно трактуемым как причастие); разные интерпретации подобного маркирования см. в [Ландер 2008; Майсак 2008].

В качестве материала для подсчета частотности релятивизации разных партиципантов был взят корпус устных нарративов, собранных Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком и одним из авторов настоящей работы, некоторые неопубликованные рассказы М. Кечаари, а также публикации Г. Кечаари. Всего использованный корпус включает 306 относительных конструкций. Частотность релятивизации разных позиций дана в Таблице 3. (В таблице мы приводим также отдельно данные по устным и письменным текстам, а также по относительным конструкциям с выраженной семантической вершиной; далее, впрочем, мы эти данные не обсуждаем.)

⁵ Здесь мы не касаемся номинализаций, которые различают абсолютные и неабсолютные основы при том, что и те и другие маркированы особыми суффиксами.

Таблица 3. Статистика релятивизации по корпусу удинских текстов

	Устные		Письменные		С вершиной		Всего	
	вхожд.	%	вхожд.	%	вхожд.	%	вхожд.	%
S	40	34%	97	52%	105	48%	137	45%
A	28	25%	27	14%	28	13%	55	18%
P	17	14%	30	16%	30	14%	47	15%
Непрямой объект	-	-	2	1.1%	2	0.9%	2	0.7%
Инструмент	4	3.4%	1	0.5%	5	2.3%	5	1.6%
Релятивизация темы речи	3	2.5%	3	1.6%	4	1.8%	6	2.0%
Время	8	6.8%	3	1.6%	11	5%	11	3.6%
Место	15	13%	8	4.3%	23	10%	23	7.5%
Посессор в предикативной посессивной конструкции	-	-	6	3.2%	4	1.8%	6	2.0%
Приименной посессор	1	0.8%	1	0.5%	1	0.5%	2	0.7%
Релятивизация из вложенного предложения (P)	-	-	1	0.5%	1	0.5%	1	0.3%
Контекстно интерпретируемые	-	-	2	1.1%	1	0.5%	2	0.7%
Спорная роль	2	1.7%	7	3.7%	5	2.3%	9	2.9%
Всего	118	100%	188	100%	220		306	100%

Основная часть мишеней релятивизации (45 процентов) приходится на S (пример 18), причем этот показатель практически совпадает с аналогичным для арчинского языка. Как и в арчинском языке, львиная доля остальных контекстов приходится на A и P: в сумме 33 процента (ср. примеры 19–20). Однако распределение существенно отличается от того, которое мы наблюдали в арчинских текстах. Если в арчинском языке количество P-релятивизаций более чем втрое превышало количество A-релятивизаций, то в удинском языке эти показатели очень близки, а в устном корпусе релятивизация агенса даже сильно опережает релятивизацию пациенса. Поскольку процент P-релятивизаций сопоставим с аналогичным показателем для арчинского языка, ясно, что изменение соотношения достигается за счет A-релятивизаций.

(18) Удинский: релятивизация S

za-χun tac-i χüjār-mov-on=al zu=al p:a^f kārān äči=jan=p-i.
 я-Abl уходить-Aor девушка-Pl-Erg=Add я=Add два раз танцевать=1Pl=LV-Aor
 ‘Девушки, которые пошли со мной, и я два раза танцевали.’

(19) Удинский: релятивизация A

me t:ul eč-ala q:onši-n-en šofer-ä
 Прох виноград приносить-Ptcp сосед-Obl-Erg шофер-Dat

u=ne=k:-on=ki ...

говорить=3Sg=St-PFut=Comp

‘Этот сосед, который вез виноград, говорит шоферу...’

(20) Удинский: релятивизация P

ama salsa vād-in-ä tižarät-in, t:e iz toj-d-ala
 но никакой пора-Obl-Dat торговля-Gen Dist сам:Gen продавать-LV-Part

mal-e bač:⁶an-e čur=te=n=ne
 товар-Gen спина-Loc стоять=Neg=3Sg=LV:Prs
 ‘Но он никогда не стоит за торговлей, за товаром, который он продает.’

Случаи, когда семантическая роль релевантного партиципанта в относительном предложении устанавливается по контексту, редки – лишь два примера на весь корпус, причем оба в принципе могут быть оспорены:

(21) Удинский: семантически ориентированная релятивизация?
 vi ži'f'k:-p:-i-t:-u zu gir=ež=b-i
 ты:Gen трясти-LV-Aor(Ptcp)-NO-Dat я собирать=1Sg=LV-Aor
 ‘То, что ты натряс⁶, я собрал’.

(22) Удинский: семантически ориентированная релятивизация?
 sa hema uk:-ala q:ari t:ul-e χijavan-a č:evak-i
 один сколько говорить-Ptcp сухой виноград-Gen аллея-Dat проходить-Aor
 ‘...пройдя ряд кишмиша, сколько договаривались...’

К последнему примеру примыкают другие выражения с релятивизацией темы речи вроде:

(23) Удинский: релятивизация темы речи
 mon-o te=ne bak-o vi uk:-ala šabaš
 Prox-NA Neg=3Sg быть-PFut ты:Gen говорить-Ptcp шабаш
 ‘этот не может быть шабашом, о котором ты говорил’

Наконец, основную массу примеров, для которых невозможно постулировать релятивизацию ядерных актанта, составляют выражения, в которых при определении семантической роли мишени явно задействуется лексическая семантика некоторого компонента относительного предложения, в норме – сказуемого. В таких случаях фактически невозможно определить, основывается ли построение относительной конструкции на синтаксической структуре (наличии в относительном предложении незаполненного «слота» для мишени – инструмента в примере 24) или в первую очередь на семантике.

(24) Удинский: релятивизация инструмента
 sa=al ez-b-al-χo-χun sun-t:-aj us-ur ва'č'с-ec-i
 один=Add пахать-LV-Ag-Pl-Abl один-NO-Gen бык-Pl связываться-LV-Aor(Ptcp)

o'q: χoχ=e bak-i
 ярмо сломанный=3Sg быть-Aor
 ‘Снова у одного из пахарей ярмо, которым сцеплялись быки, сломалось.’

Следует специально отметить распространенность в устной речи конструкций с релятивизацией времени и места, представленных в (25)–(26). Как кажется, эти конструкции в наименьшей степени синтаксически ориентированы, поскольку появление таких сирконстантов в минимальной степени зависит от специфической синтаксической структуры относительного предложения, а значит, основная нагрузка здесь ложится именно на семантику вершины.

⁶ Глагол ‘трясти’ в удинском языке в норме принимает в качестве прямого дополнения непосредственный пациент (то, что трясется). Соответственно, здесь, по-видимому, неправильно вести речь о релятивизации прямого объекта.

(25) Удинский: релятивизация времени

bulum biq:-ec-i vi-n-aḡun χib χaṣ=e
Булум хватать-Detr-Aor(Ptcp) день-Obl-Abl три месяц=3Sg

č:ovak-i bak-o=j.

проходить-Aor быть-PFut=Pst

‘Прошло три месяца с того дня, как арестовали Булума.’

(26) Удинский: релятивизация места

t:e **beli toj-ec-ala ga-l-a** čur
Dist скот продаваться-LV:Fut-part место-Obl-Loc корова

čur-p-e=ne

стоять-LV-Perf=3Sg

‘Там, где продается скот, стоит корова.’

5. Обсуждение

На первый взгляд, приведенные данные подтверждают релевантность эргативных черт при построении относительных предложений: арчинский язык, несомненно более «целостно эргативный», чем удинский, одновременно обнаруживает и более явные предпочтения релятивизации пациенса по сравнению с агенсом переходной конструкции. Тем не менее мы не готовы делать из этого окончательные выводы по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, данных двух языков в данном случае, очевидно, недостаточно. Имеющиеся корпуса текстов, во многом ограниченные и с точки зрения количества, и с точки зрения жанра, явно допускают возможность случайного искажения. Как видно, статистика релятивизации для разных жанров удинских текстов существенно отличается (ср. явное преимущество агенса перед пациенсом в устных текстах при примерном равноправии этих ролей в письменных текстах). В отсутствие больших корпусов удинских и арчинских текстов для подтверждения вопроса о влиянии морфосинтаксической эргативности на частотность релятивизации в рассматриваемой семье, вероятно, следует обратиться и к другим нахско-дагестанским языкам.

Во-вторых, даже имеющиеся данные по арчинскому языку не показывают настолько же явных предпочтений релятивизации пациенса в переходных конструкциях, насколько они присутствуют, например, в адыгейском. Ср. Таблицу 4:

Таблица 4. Относительные частоты релятивизаций для ядерных ролей (в процентах от общего числа релятивизаций в проанализированном фрагменте данных)

	S	P	A
удинский	45	15	18
арчинский	44	16	5
адыгейский	22	25	6

Одна из возможных трактовок этого факта заключается в том, что релятивизация в разных эргативных языках может обнаруживать либо эргативную, либо аккузативную ориентацию, так что адыгейский в этом отношении может оказаться попросту «эргативнее» нахско-дагестанских языков (ср. подход, допускающий расхождения разных параметров синтаксической аккузативности/эргативности между разными языками в [Kazenin 1994]).

По сравнению с адыгейским обращает на себя внимание то, насколько в удинском и арчинском языках частотнее оказывается релятивизация непереходного подлежащего. В

принципе, не исключено, что именно оно «перетягивает» на себя часть контекстов, приводя к столь значимым различиям между адыгейским и арчинским. В отсутствие необходимых данных нельзя исключать, что нахско-дагестанские языки вообще – не только в относительных конструкциях – в большей степени используют непереходные предикации. Действительно, известно, что одни языковые семьи активнее оперируют непереходными конструкциями, чем другие (ср., например, [Lehmann, Verhoeven 2006] о языках майя, выражающих непереходными глаголами многие понятия, ассоциируемые в европейских языках с глаголами переходными). С другой стороны, например, в удинском языке зафиксировано использование детранзитивизации в относительных конструкциях – причем даже там, где она, казалось бы, вовсе не обязательна, при релятивизации непосредственного пациенса и реципиента:

(27) Удинский: детранзитивизация при релятивизации пациенса
 u=n=k:-o, **üše** **biq:-ev-ala** **amdar-χo-χun=al**
 говорить=2Sg=St-PFut ночью хватать-Detr-Ptcp человек-Pl-Abl=Add

χavar bu=t:uχ
 известие Cop=3:Poss
 ‘Ты, может быть, скажешь, что есть новости о тех, кого забрали ночью.’

(28) Удинский: детранзитивизация при релятивизации реципиента
 me usen-χo-st:a **kolyoz-aχun** **topa** **tad-ec-i** **amdar-χo-j**
 Prox год-Pl-Ad колхоз-Abl куст давать-Detr-Aor(Ptcp) человек-Pl-Gen

ereq:-luk-χo-j bütüm-t:-aj boš o-j-aχun šifer-āχun
 фундук-Abst-Pl-Gen все-NO-Gen внутри сено-Obl-Abl шифер-Abl

düz-bak-i taxt:-urχo=ne bak-e
 основываться-LV-Aor(Ptcp) лавка-Pl=3Sg быть-Perf
 ‘В те годы на всех ореховых участках, которые были распределены людям от колхоза, стояли лавки, сделанные из шифера и соломы.’

Думается, что здесь может играть роль стремление к упрощению предикации, снижению к минимуму ее участников, которое поддерживается распространенной глагольной лабильностью в нахско-дагестанских языках. Подобное стремление к упрощению может вести и к повышению доли релятивизации непереходного подлежащего.

Если морфосинтаксическая эргативность действительно играет роль в частотности релятивизации ядерных актанта, это в какой-то степени ставит под сомнение изложенный выше тезис о семантической ориентированности нахско-дагестанских относительных конструкций. Действительно, в начале статьи мы говорили о том, что отсутствие структурных ограничений на релятивизацию в нахско-дагестанских языках, а также наличие примеров релятивных оборотов, для которых невозможно указать синтаксическую позицию или семантическую роль мишени в относительном предложении, указывает на то, что синтаксис (в смысле иерархии Кинэна-Комри или аналогов) не играет в нахско-дагестанской релятивизации никакой роли. С другой стороны, рассмотренная статистика для арчинского и удинского языков, особенно если она подтвердится на более широком материале, указывает на то, что синтаксис играет определенную роль. Трудно представить себе какие-либо основания для предпочтения роли А по сравнению с ролью Р в одном языке и роли Р по сравнению с ролью А в другом языке, которые бы не опирались на синтаксис. С другой стороны, конструкции, в которых позиция мишени в относительном обороте невозможна, кажется, не допускают иной интерпретации, чем апелляция к семантике и прагматике ситуации. Как примирить эти наблюдения?

Кажется, что один из возможных путей – это совмещение в одной модели и синтаксического, и семантического компонента. Конечно, релятивизация в нахско-дагестанских языках значительно более гибка, в синтаксическом смысле, чем в тех языках, для которых работает иерархия Кинэна-Комри. Тем не менее для ядерных аргументов синтаксический фактор может быть сформулирован для этих языков по крайней мере в качестве предпочтений. Однако чем дальше мы двигаемся на синтаксическую периферию, тем слабее синтаксический фактор. Строго говоря, в наших данных мы не наблюдаем синтаксических предпочтений нигде вне сферы ядерных аргументов. По мере того, как мы «покидаем пределы» синтаксических отношений, усиливается семантический фактор, который позволяет выбирать для относительного оборота вершину уже не на синтаксических, а на семантических основаниях. В пределе мы имеем чисто семантическую релятивизацию, для которой синтаксическая позиция мишени в относительном обороте уже не восстанавливается, и относительная конструкция опирается лишь на ситуативные отношения между референтом вершины относительного оборота и обозначенной этим оборотом ситуации, ср. следующий пример, где мясо находится в очевидном семантическом отношении к ситуации ‘зарезать барана’, хотя в данную предикацию соответствующая именная группа никак не может быть «встроена»:

(29) Арчинский: несинтаксическая релятивизация
hawan bu-l'u-tu-t al' lo-t'u
 баран 3-зарезать.Pfv-Atr-4 мясо 4.дать.Pfv-Neg
 ‘Не дали мясо зарезанного барана.’

В заключение отметим, что такого рода модель является серьезным аргументом против подхода, согласно которому конструкции вроде обсуждаемых выше жестко противопоставлены каноническим относительным конструкциям, ориентированным на синтаксис; ср., например, [Comrie 1996; 1998]. Если верно, что адекватная модель нахско-дагестанской релятивизации должна включать как синтаксический (для ядерных аргументов), так и семантический (для периферии) компоненты, мы вынуждены признать эти конструкции особым типом относительного предложения.

Список сокращений

Abl – аблатив; Abst – суффикс абстрактных имен; Ad – адэссив; Add – аддитивная частица; Ag – агентивная номинализация; All – аллатив; Aor – аорист; Atr – атрибутивизатор; Caus – каузатив; Comp – подчинительный союз; Cont – локализация Cont; Cop – связка; Dat – дательный падеж; Detr – детранзитив; Dist – дальний демонстратив; Erg – эргативный падеж; Evid – косвенная засвидетельствованность; Excl – эксклюзив; Gen – родительный падеж; H – одушевленность; Imp – императив; In – локализация In; Inf – инфинитив; Ipfv – основа несовершенного вида; Lat – латив; Loc – локативная форма; LV – легкий глагол; N – неличный класс; NA – абсолютивная основа номинализации; Neg – отрицание; NO – косвенная основа номинализации; Obl – косвенная основа; Perf – перфект; PFut – будущее потенциальное; Pfv – основа совершенного вида; Pl – множественное число; Poss – личный показатель посессивной серии; ; Pot – основа потенциалиса; Prox – ближний демонстратив; Prs – настоящее время; Pst – прошедшее время/ретроспективный сдвиг; Ptcl – частица; Ptcr – причастие или причастная функция; Quot – показатель цитирования; Re – рефактив; Sg – единственное число; St – непродуктивная «правая» часть двухкомпонентного глагола, «разорванного» клиткой; Sup – локализация Super. Числа в арчинских примерах указывают на класс, в примерах из других языков – на лицо.

Литература

- Ганенков Д. С. 2008. Морфологическая и семантическая характеристика падежей удинского языка // М. А. Алексеев, Т. А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 11–53.
- Даниэль М.А., Ландер Ю.А. 2008. О некоторых особенностях относительной конструкции в дагестанских языках // М.И. Магомедов (отв. ред.). Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Материалы Международной научной конференции 14-16 октября 2008 г. С. 245–251.
- Кибрик А.Е. 2003. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.
- Ландер Ю.А. 2008. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // М. А. Алексеев, Т. А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 54–95.
- Ландер Ю.А. 2011. Удинская цепочечная деепричастная конструкция // П.А. Магомедова (отв. ред.). Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции лингвистов (6-8 июня 2011 года). Махачкала. С. 53–61.
- Лютикова Е.А. 1999. Относительное предложение // А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие. С. 461–481.
- Лютикова Е.А. 2001. Относительное предложение // А.Е. Кибрик и др. (ред.) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие. С. 492–511.
- Майсак Т.А. 2008. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // М. А. Алексеев, Т. А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 96–161.
- Comrie B. 1996. The unity of noun modifying clauses in Asian languages // *Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics*, January 8-10, 1996. Vol. 3. P. 1077–1088.
- Comrie B. 1998. Rethinking the typology of relative clauses // *Language Design*. Vol. 1. P. 59–86.
- Comrie B., Polinsky M. 1999. Form and function in syntax: Relative clauses in Tsez // M. Darnell et al. (eds) *Functionalism and Formalism in Linguistics*. Vol. II: Case Studies. Amsterdam: John Benjamins. P. 77–92.
- Cristofaro S. 2003. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press.
- Fox B.A. 1987. The noun phrase accessibility hierarchy revisited // *Language*. Vol. 63, No. 4. P. 856–870.
- Gordon P., Hendrick R. 2005. Relativization, ergativity, and corpus frequency // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36, No. 3. P. 456–463.
- Harris A. 2002. *Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Hawkins J.A. 1999. Processing complexity and filler-gap dependencies across grammars // *Language*. Vol. 75, No. 2. P. 244–285.
- Hawkins J.A. 2004. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press
- Kazenin K.I. 1994. Split syntactic ergativity: toward an implicational hierarchy // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Vol. 47, No. 2. P. 78–98.
- Keenan E.L. 1975. Variation in Universal Grammar // R. Fasold, R. Shuy (eds). *Analyzing Variation in Language*. Washington: Georgetown University Press. P. 138–148.
- Keenan E.L., Comrie B. 1977. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*. Vol. 8, No. 1. P. 63–99. [Русск. пер.: Кинэн Э.Л., Комри Б. 1982. Иерархия именных групп и универсальная грамматика // А.Е. Кибрик (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс. С. 111–165.]

Kibrik A.E. 1997. Beyond subjects and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*. Vol. 1, No. 3. P. 279–346.

Lehmann Chr. 1984. *Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen: Gunter Narr.

Lehmann Chr., Verhoeven E. 2006. Extraversive transitivity in Yucatec Maya and the nature of the applicative // L.I. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins. P. 465–493.

Liao H.-C. 2000. The Noun Phrase Accessibility Hierarchy revisited: A view from ergative languages // *University of Hawai'i Working Papers in Linguistics*. Vol. 31. P. 121-142.

Maisak T. 2008. Morphology, semantics and syntax of participles in Agul. Paper presented at the Seminar on the Noun Phrase Typology (TypoULM), 8 December 2008, École normale supérieure, Paris.

Malchukov A. 2006. Transitivity parameters and transitivity alternations // L.I. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins. P. 329–357.

Schulze W. 1982. *Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.